

общего плана. О времени и месте их создания было высказано множество самых разных гипотез, но ни одной нет более или менее надежного подтверждения. К. Корриган вносит свою лепту в эту затянувшуюся дискуссию, высказывая мнение, что псалтири были созданы в правление патриарха Мефодия (843–847) в скриптории Студийского монастыря, но рассуждения ее не выглядят вполне убедительными, как не выглядят достаточно убедительными статьи и гипотезы других авторов, посвященные этой проблеме.

Большим достоинством данной книги является важное для работы с таким материалом отсутствие категоричности и безапелляционности авторской позиции, нередко присущее научным исследованиям. Корриган не делает глобальных выводов, поэтому несколько спорных моментов, связанных по преимуществу с истолкованием смысла отдельных миниатюр, не наносят ущерба ее целостной и разумной концепции.

И.А. Орецкая

Natalia B. Teteriatnikov. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. – Orientalia Christiana Analecta. 252. Roma, 1996

Книга Н.Б. Тетерятниковой посвящена проблемам взаимосвязи архитектурной планировки церкви и литургии в одной из провинций Византийской империи – Каппадокии. Основными целями ее исследования являются: определение функционального назначения и использования различных помещений каппадокийских храмов; выявление эволюции церковных планов с раннехристианского времени до XIII в.; обозначение отличительных особенностей архитектурной планировки церквей Каппадокии по сравнению с памятниками Константинополя, Греции, Сирии, Палестины, Армении, Грузии.

По описанию пещерных храмов Каппадокии было предпринято множество работ в течение всего XX в. В этих исследованиях не раз отмечалось своеобразие этого искусства, обсуждалась проблема его провинциализма и/или самостоятельности¹. При этом проблемы каппадокийского искусства рассматривались в большинстве случаев на примере одного или нескольких храмов. Обобщающие исследования в данной области только начинают появляться². Н.Б. Тетерятникова в своей книге выбирает одну из сквозных тем каппадокийского искусства, результаты изучения которой важны для понимания всей византийской культуры. Анализируя организацию каппадокийских храмов, исследовательница постоянно фиксирует типичность или самобытность определенных их черт в контексте византийского искусства.

Книга состоит из пяти глав. Первые три посвящены описанию структуры каппадокийских церквей: I – святилища, II – наоса, III – входа (понимаемого в данном случае как

входной компартимент, что позволяет анализировать в этой главе портик и нартекс). Предметом изучения в четвертой главе является местонахождение погребений и практика поминовения. Вопрос происхождения и эволюции мест захоронений взаимосвязан с развитием литургической планировки церкви. Идентификация отдельных погребений, анализ надписей и донаторских портретов предоставляет богатый материал об основателях и патронах церквей. Исследование этого материала в пятой заключительной главе позволяет рассмотреть состав и структуру каппадокийского общества.

В первой главе (с. 33–78) изучается все многообразие планов (одноапсидные, многоапсидные, крестообразные, церкви с поперечным нефом, базиликальные и т.д.) и перечислены все составляющие каппадокийского святилища в ранневизантийский и средневизантийский периоды (форма апсиды, положение алтаря, ниши жертвенника, синтрона, амвона и др.). Один из важнейших выводов: боковые апсиды в многочастных святилищах – не жертвенник и диаконник, а дополнительные независимые святилища. Этот факт объясняется необходимостью служения литургий и других служб в один и тот же день в одной церкви, а совершать литургию более одного раза на одном алтаре в один день было запрещено. Феномен существования нескольких святилищ в одной церкви имеет много параллелей с организацией святилищ Палестины, Сирии, Египта, Грузии, Армении. По мнению Н.Б. Тетерятниковой, он характерен для среды негородского монашества. Несмотря на постоянно подчеркиваемые

¹ Прежде всего, это книги и статьи: A.W. Epstein, G. de Jerphanion, J. Lafontaine-Dosogne, M. Restle, H. Rott, N. Thiery, G. Schiemenz.

² Среди них в первую очередь стоит назвать книгу: Jolivet-Lévy C. Les Eglises Byzantines de Cappadoce: le programme iconographique de l'abside et de ses abords. P., 1991.

различия со столичной практикой, автор приводит литературные источники, свидетельствующие о возможном существовании нескольких алтарей в константинопольских церквях.

Главной особенностью наоса в Каппадокии, отмечаемой во второй главе (с. 79–128), является размещение в нем ниши жертвенника (в северо-восточной части), что вызвано отсутствием отдельного помещения жертвенника. Это определяет многие функции наоса, местоположение духовенства, направление внимания всех верующих во время службы, особенности росписи. Другая отличительная черта – наличие бассейна, что указывает на обязательный ритуал омовения рук и лица перед молитвой.

В третьей главе (с. 129–164) исследование архитектурных типов, внутренней организации и обрамлений портика и нартекса открывает множество функций этих помещений: утилитарные и эстетические – спрятанная в скалах церковь могла быть различима только по входу, портик мог укрыть от ветра и непогоды; посвяtitельная и литургические – в нартексе проходили определенные ежедневные ритуалы, он служил местом погребений. Нартексы редко встречаются в ранних церквях Каппадокии и характерны в основном для постиконоборческого периода. Основными отличиями от константинопольских церквей является взаимозаменяемость нартекса и портика, многообразие их типов, возможность их расположения не только с западной стороны. Функциональные аспекты нартекса – общие с церквями других регионов. Важность оформления входного пространства определялась также тем, что он был местом молитвенного сосредоточения перед входом в церковь.

Присутствие погребений во входных компартиментах, наосах, капеллах оказывало

влияние не только на архитектурную форму, но на литургическое функционирование этих помещений. Поэтому целая глава посвящена этой проблеме (с. 165–182). Появление захоронений указывает на совершение соответствующих поминальных служб. Их большое разнообразие, согласно автору, вызвано особенностями пещерного расположения, а популярность погребальных капелл, (параклесиев) определялась их возрастающим литургическим значением.

При исследовании социальных, экономических и географических аспектов основания каппадокийских церквей и монастырей (с. 183–224) Н.Б. Тетерятникова очерчивает круг донаторов, среди которых были монахи, миряне, женщины; приводит конкретные цифры их участия по векам; определяет их имущественное положение; соотносит топографию расположения церквей с близостью к городским центрам.

Книга Н.Б. Тетерятниковой ярко и полно описывает своеобразие многих аспектов культуры Каппадокии. Ее выводы выходят за рамки только этого региона. Возможность существования отдельного святилища в каждой апсиде (концепции “апсидасвятилище”), отсутствие помещений жертвенника и диаконника, расположение ниши жертвенника непосредственно в наосе, частный выбор мест для погребений изменяют многие представления об организации службы в храме, ее порядке, о включении верующих в ее ход, иерархии размещения людей в храме, трактовки сюжетов росписи. Все эти особенности носят не только локальный характер, они имеют параллели в искусстве Сирии, раннехристианской Армении, Грузии и позволяют иначе трактовать сходные проблемы в столичном искусстве.

Н.В. Герасименко

McGeer E. Sowing the Dragon's Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, D.C. 1995 (Dumbarton Oaks Studies, 33). XVIII + 405 p. Maps Tables.

Время трех императоров – Никифора II Фоки (963–969), Иоанна I Цимисхия (969–976), Василия II Болгаробойцы (976–1025) – с легкой руки Гюстава Шлюмберже принято называть “византийской эпопеей”. То был период наивысших военно-политических успехов Византии, когда империя вернула себе от арабов Крит, Кипр, Киликию, ряд территорий в Сирии и Палестине, отразила балканскую экспансию киевского князя Святослава, разгромила и затем подчинила Первое

Болгарское царство. Эпоха наивысшего расцвета военной мощи совпала с эпохой такого же расцвета военной литературы. Роль последней, однако, оценивается в историографии по-разному. Г. Дельбрюк в известной “Истории военного искусства” объяснял достижения Византии в X–XI вв. чем угодно: стабилизацией финансов, выгодным положением Константинополя, слабостью противников – только не эффективностью военной системы, тем более – не влиянием военной